

Источники и литература

1. Баран Т.С. Система средств выражения степени признака в украинском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Киевский государственный педагогический институт им. А.М. Горького. – Киев, 1987. – 24 с.
2. Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Слитно или раздельно?: (Опыт словаря-справочника). Ок. 82000 слов. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1982. – 879 с.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. – Москва: Логос, 2001. – 304 с.
4. Демидов Д. Г. Тенденция к агглютинации в русском языке // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Сборник тезисов. – М., 2004. – С. 274.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М., 2000. – с.
6. Клименко Н. Ф. Агглютинативність в українському словотворенні // Українське мовознавство. – К., 1990. – В. 17. – С. 96–104.
7. Краснянский В. В. Сложные цветообозначения русской речи. – Орехово-Зуево, 2000. – 233 с.
8. Лексина Е. В. Деривационное поле степени проявления признака в русском и белорусском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Белорусский государственный университет. – Минск, 2000. – 20 с.
9. Мусиенко В. П. Функционально-семантическая категория меры в русском языке: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук / Институт языковедения им. А. А. Потебни АН Украины, 1992. – 40 с.
10. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999. – 944 с.
11. Петров А. В. Деривационное выражение степени проявления признака в сложных адъективах русского языка. – Статья в печати.
12. Подуфалова Т. В. Когнітивно-семантичні та функціональні особливості градації в російській мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Харківській національний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди. – Харків, 2007. – 20 с.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – М., 1999. – Т. 1. А – Й. – 1999. – 702 с.; Т. 2. К – О. – 1999. – 736 с.; Т. 3. П – Р. – 1999. – 752 с.; – Т. 4. С – Я. – 1999. – 800 с.
14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., стереотип. – М., 2000. – 688 с.

Трубникова Ю.В.**ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ В ИССЛЕДОВАНИИ КОММУНИКАЦИИ**

Языковая коммуникация всегда протекает в форме текста, и наоборот, любой текст существует только в определенном коммуникативном пространстве, которое определяется как «среда бытия текста, представляющая собой сложную организованную, внутренне противоречивую систему систем составляющих – «внутренних» (коммуниканты, процессы вербализации и понимания, языки [естественные и другие языки культуры], тексты, обстоятельства актов рече-коммуникативной деятельности, практические цели, коммуникативные цели) и «внешних» (культура, природа, социальная сфера)» [4, с.333].

Текст как знаковая сущность в любой коммуникативной ситуации вступает в синтагматические и парадигматические отношения с другими единицами своего уровня. Парадигму текста формируют вторичные, или производные, тексты, возникающие как результат воспроизведения и интерпретации исходного. К вторичным текстам относятся реферат, аннотация, заголовок, пересказ, изложение и т.п., т.е. любое понимание и любая интерпретация исходного текста. Для вторичных текстов характерна множественность и принципиальная бесконечность возможных трансформаций, поскольку один и тот же текст, свернутый при восприятии, может быть развернут в разные текстовые формы. Поэтому проблема успешности языковой коммуникации может быть рассмотрена как проблема динамического отношения между текстами в деривационном аспекте (под деривацией в широком смысле в настоящее время понимается процесс образования всех возможных языковых единиц, начиная от слова, его грамматических форм и заканчивая текстом).

Всякий текст как коммуникативная динамическая структура представляет собой пространственно-временное развертывание различных лексических рядов, члены которых находятся друг с другом в отношениях детерминации, то есть всякая «последующая» единица может быть рассмотрена как смысловое продление предыдущей. Деривационно-детерминационные процессы на уровне лексики протекают в тексте в двух направлениях – семантическом и/или формально-семантическом, это дает основание для выделения соответствующих типов рядов. Актуализация ряда возможна в микроконтексте в виде соположения в нем формально или семантически близких единиц. Ограниченность текстового пространства мешает такого рода рядам занимать в тексте центральную смысловую позицию. Такие ряды могут быть названы горизонтальными, они являются своего рода «распространителями» других, вертикальных текстообразующих рядов, организующих более широкий контекст и входящих в деривационное ядро текста. Вертикальные и горизонтальные ряды, взаимодействуя в тексте, образуют его лексико-деривационную структуру, которая определяет систему смыслов и является основанием восприятия текста в целом и дальнейшим его воспроизводством в форме вторичного текста.

Определяющая роль лексико-деривационной структуры текста в процессе его функционирования обусловлена внутритекстовыми деривационно-детерминационными процессами. Во-первых, с деривационной точки зрения любой элемент текста, больший, чем слово, есть продукт развертывания, отдельный этап деривационного процесса и единица, обеспечивающая свертывание текста. Каждый элемент обусловлен предшествующим текстом и конкретно предыдущей единицей. Поэтому между двумя сопологающимися языковыми единицами и, шире, между любыми элементами текста возникают определенные внутритекстовые связи и отношения (альтернатива, градация, конкретизация, обусловленность, тождество).

Информационное наполнение («событийный материал») каждой части текста независимо от ее размера является значимым, по крайней мере, с двух точек зрения: во-первых, как источник информации о внутренних процессах, о разных аспектах смысловой структуры каждой из соотнесенных ситуаций, во-вторых, как источник информации о внутренних процессах возникновения смысловых связей и отношений «второго плана», то есть как «контекстуальный фактор отношения» [2]. Если рассмотреть под этим углом зрения сквозные лексические ряды текста, то оказывается, что члены ряда, являясь частью семантической структуры, непосредственно участвуют в формировании контекстуального фактора отношения между смысловыми частями текста.

Во-вторых, детерминационные связи между членами лексического ряда позволяют рассматривать весь ряд как целостный объект, особенностью которого, по сравнению с входящими в него единицами, является то, что он представляет собой не столько набор элементов, сколько систему связей между ними, а известно, что «каждая часть, включенная в целое, начинает обладать функциями, отсутствующими у нее вне этого целого. Совокупность функций предстает не в виде простой суммы, а как система связей, в которой функции преобразованы.» [1, с. 109]. Следовательно, лексический ряд как целостный объект может определять семантику входящих в него единиц.

Таким образом, деривационная структура текста может быть рассмотрена не только как способ развертывания данного текста, но и как инструмент интерпретации речевого произведения, как основа реализации деривационного потенциала этой языковой единицы.

Как известно, свернутый текст во внутренней речи представляет собой некий универсальный предметный код, а кодовые трансформации и представляют собой основу различных способов реализации деривационного потенциала текста. Между исходным и вторичным текстами возникает всякий раз определенное **семантическое расстояние**, т.е. степень их формальной и смысловой близости. Семантическое расстояние зависит от объективных имманентных особенностей текста, обуславливающих характер связи первичной и вторичной текстовых форм – прежде всего от деривационных характеристик исходного текста и соотношения деривационных структур исходной и производной единиц. Именно семантическое расстояние и является, на наш взгляд, показателем адекватности понимания текста. Для доказательства данной гипотезы мы рассмотрели один из типов вторичных текстов – изложение. Материалом послужили работы учеников 10–11 классов по отрывку из 21 главы «Полет» романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», который для удобства мы приведем здесь полностью:

«Маргарита летела беззвучно, очень медленно и невысоко, примерно на уровне второго этажа. Но и при медленном лете, у самого выхода на ослепительно освещенный Арбат, она немного промахнулась и плечом ударилась о какой-то освещенный диск, на котором была нарисована стрела. Это рассердило Маргариту. Она осадила послушную щетку, отлетела в сторону, а потом, бросившись на диск внезапно, концом щетки разбила его вдребезги. Посыпались с грохотом осколки, прохожие шарахнулись, где-то зашвырялись, а Маргарита, совершив этот ненужный поступок, расхохоталась. «На Арбате надо будет быть еще поосторожнее, – подумала Маргарита, – тут столько напутано всего, что и не разберешься». Она принялась нырять между проводами. Под Маргаритой плыли крыши троллейбусов, автобусов и легковых машин, а по тротуарам, как казалось сверху Маргарите, плыли реки кепок. От этих рек отделялись ручейки и вливались в огненные пасти ночных магазинов. «Э, какое месиво! – сердито подумала Маргарита, – тут повернуться нельзя». Она пересекла Арбат, поднялась повыше, к четвертым этажам, и мимо ослепительно сияющих трубок на угловом здании театра проплыла в узкий переулок с высокими домами. Все окна в них были открыты, и всюду слышалась в окнах радиомузыка. Из любопытства Маргарита заглянула в одно из них. Увидела кухню. Два примуса ревели на плите, возле них стояли две женщины с ложками в руках и переругивались.

– Свет надо тушить за собой в уборной, вот что я вам скажу, Пелагея Петровна, – говорила та женщина, перед которой была кастрюля с какой-то снедью, от которой валил пар, – а то мы на выселение на вас подадим!

– Сами вы хороши, – отвечала другая.

– Обе вы хороши, – звучно сказала Маргарита, переваливаясь через подоконник в кухню. Обе ссорящиеся повернулись на голос и замерли с грязными ложками в руках. Маргарита осторожно протянула руку между ними, повернула краны в обоих примусах и потушила их. Женщины охнули и открыли рты. Но Маргарита уже соскучилась в кухне и вылетела в переулок.»

Данный текст интересен тем, что в нем представлены разные типы речи (повествование, описание), включены прямая речь и диалог, есть метафоры, а также по ходу текста меняется субъект восприятия (автор – персонаж). Деривационная структура данного текста является простой и прозрачной. Основу ее составляет один вертикальный линейный ряд, центральное положение которого создается грамматическими средствами (в основном это глаголы–предикаты) и подчеркнуто формально–семантическими связями между некоторыми его членами: *летела–лёт–промахнулась–ударилась–рассердило–осадила–отлетела–разбила–*

расхохоталась–подумала–принялась нырять–пересекла–поднялась–проплыла–заглянула–сказала–переваливаясь–повернула–потушила–соскучилась–вылетела.

Анализ изложений показал, что в них, во всех без исключения, сохраняется вертикальная деривационная структура исходного текста, его основной глагольный ряд, характер деривации которого определяет направление основных семантических преобразований отдельных фрагментов в производных текстах. Преобразованию подвергаются, как правило, горизонтальные лексико-деривационные ряды и тем значительнее, чем менее выражены в них формальные связи.

Особенности деривационной структуры текста, степень выраженности формально-семантической связи между ее компонентами определяют два уровня воспроизводства смысла при образовании вторичного текста: во-первых, однозначное восстановление информации, во-вторых, варьированное восстановление, когда интерпретация остается на уровне тех семантических или синтаксических признаков, которые заданы схемой текста. Так однозначно восстанавливается вертикальный деривационный ряд с опорным компонентом лететь (*летела – лёт – отлетела – вылетела*), причем ряд определяет и направление текстовой деривации, значительно расширяется за счет замены однокоренными словами других единиц (*налетела* вместо *ударилась*, *взлетела* вместо *поднялась*, *летать* вместо *нырять*, вместо *переваливаясь* (через подоконник в кухню) *влетела, залетела* и т.д.).

Наиболее частотными типами семантических преобразований текста являются следующие: во-первых, сжатие или развертывание отдельных текстовых фрагментов. Например, часто теряются или, наоборот, добавляются описательные компоненты (от слова до текстового фрагмента), устраняются подробности сцены на кухне и диалог, упрощается метафоричное по форме описание Арбата (предельное сжатие – *На Арбате было большое движение людей и транспорта*). Во-вторых, синонимические замены отдельных лексических единиц, например, *разозлило* (вместо *рассердило*), *тихо* (*беззвучно*), *изображена* (*нарисована*), *ярко* (*ослепительно*), *выключать* (*тушить*) и т.п., или замены единиц внутри одного семантического поля: *выход – вход, отделялись – ответвлялись*. В-третьих, усиление динамичности повествования (*пролетали, мелькали, пронеслись* вместо *плыли*; *взлетела* вместо *поднялась*) или, наоборот, его ослабление (*рассмеялась* вместо *расхохоталась*, *задела* вместо *ударилась*). Наконец, различные изменения общих модусных смыслов текста. Так, не воспроизводится смена субъекта восприятия (автор – герой) исходного текста, в связи с этим теряются вводные конструкции, конструкции с прямой речью и диалог.

При отражении денотативной ситуации различные тексты по-разному реализуют повторение ее семантических признаков на языковом материале, формирующем контекст, именно поэтому варьированное восстановление информации связано со степенью точности отражения контекстом объективной денотативной ситуации, а также со степенью субъективного представления реципиента об этой ситуации или отдельных ее компонентах. Так во всех изложениях наибольшие изменения произошли с предложением «*Она пересекла Арбат, поднялась повыше, к четвертым этажам, и мимо ослепительно сияющих трубок на угловом здании театра проплыла в узкий переулочек с высокими домами*», причем все эти изменения отражают неверное зрительное восприятие места действия: содержание либо сжато до предела («*Она проплыла в узкий переулочек*», «*Она залетела в узкий переулочек*», «*Она пересекла Арбат и поднялась повыше, к четвертым этажам*» и т.п.), либо искажено («... *возле кинотеатра свернула вправо*», «*пролетела мимо труб театра*», «...*пронеслась со скоростью мимо театра, на котором светились палочки*» «*пролетела мимо театра с сияющими трубами*» и т.п.). Данные изменения обусловлены незнанием тех реалий, о которых говорится в тексте. Значительные трансформации претерпевает метафоричное по форме описание Арбата: «*Под Маргаритой плыли крыши автобусов, троллейбусов и легковых машин, а по тротуарам ... плыли реки кепок. От этих рек отделялись ручейки и вливались в огненные пасти ночных магазинов*» (крайняя степень искажения обнаруживает непонимание образной системы и потерю большей части метафор – *По тротуарам плыли реки, от рек плыли ручейки, по которым плавали кепки*) Кроме того, в этой связи показателен и факт употребления в нескольких изложениях слова *старуха* вместо *женщина* в предложении «*Два примуса ревели на плите, возле них стояли две женщины с ложками в руках и переругивались*», это связано с именем одной из женщин, приведенным далее. Имя *Пелагея Петровна* для современных школьников может соотноситься только с образом старухи.

Характер и количество конкретных преобразований определяют степень смыслового расхождения исходного и вторичного текстов, семантическое расстояние между ними. Таким образом, на основе соотношения структур исходного и вторичного текстов можно выделять разные типы преобразования текстов в общих терминах деривации, выделяя в частности процессы трансформации и мутации.

Проведенный анализ, на наш взгляд, еще раз подтвердил известное положение В. Гумбольдта, что в речи происходит воссоздание воспринимающим мысли говорящего, и идей А.А. Потебни, который «рассматривал и повседневную, и художественную речь как формы совместной деятельности автора и адресата речи, основанные на владении общим для них языком и состоящие в преодолении индивидуальных расхождений во владении этим языком» [3, с.57].

Источники и литература

1. Елфимов Г.М. Возникновение нового. – М., 1983.
2. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М., 1986.
3. Рыбаков М.А. Проблемы коммуникации в классических трудах по языкознанию // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций. – Барнаул, 2005. – С. 57.

4. Чувакин А.А. К исследованию «жизни» текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. – М., 2007. – С. 333.

Фазылова А.Р.

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ГРЕХА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Антропоцентрический взгляд на мир сквозь призму когнитивизма выдвигает на первый план исследование таких феноменов, как этническая языковая картина мира, этническое сознание, концепт. Современными лингвистами в качестве существенного компонента в структуре концепта выделяется культурно-этнический компонент. Но кроме национальных, существуют концепты, которые проявляют, кроме этнических, универсальные черты, ибо имеют общечеловеческую ценность, например, *время* и *пространство*, *любовь* и *ненависть*, *жизнь* и *смерть* и т.д. К ним, несомненно, относятся и сакральные концепты самого высокого уровня абстракции.

Исследование, проведённое с целью выделения сакральных концептов, осознаваемых современным полиэтническим обществом [1], показало, что наряду с основными сакральными концептами, имеющими корреляты в концептуальном противопоставлении Добра и Зла (*Бог – дьявол (сатана) / Аллах – шайтан и рай – ад*) существует концепт *грех*, который в современной языковой картине мира (ЯКМ) не имеет своего чётко противопоставленного коррелята.

Данный результат подтверждается и лингвистическими исследованиями. Из описания, представленной в философском энциклопедическом словаре, следует, что в коллективистическом обществе, к которому относятся, например, средневековые государства, тоталитарные режимы, категория *грех* определяется более ясно, понятно, чётко, чем противоположная ей категория *праведность (добродетель)*. Это происходит вследствие того, что коллективистическое общество больше рассчитывает на страх своих индивидов, чем на их энтузиазм. Об этом говорит и тот факт, что в отличие от чёткой, тщательно проработанной иерархии грехов иерархия праведных деяний гораздо менее определённа [2].

Целью нашей работы стал анализ концепта *грех* в современной русской языковой картине мира.

Изучая любой концепт, невозможно обойти стороной словарное толкование слов, так как в словарях «неизбежно проявляются закономерности когнитивной деятельности индивидов – носителей той или иной национальной культуры» (курсив и выделение полужирным шрифтом автора. – А.Ф.)» [3, с. 198]. Эти закономерности доступны для лингвистического анализа при фокусировке внимания на выборе понятий, с помощью которых осуществляется толкование слов, и на порядке размещения этих понятий в рамках словарной статьи.

В этимологических словарях русского языка утверждается, что слово *грех* образовано, подобно словам *смех*, *успех*, с помощью суффикса **-НХ** –хъ от глагола (**Д-НИ** грѣти и первоначально обозначало «то, что жжёт, мучает, вызывает сомнения» [4, с. 114], связывалось со значением «жжения (совести)», «причинения боли огнём» [5, с. 222].

Что же может жечь огнём, вызывать сомнения, муки совести? Нечто неправильное, не соответствующее общепринятому, выбивающееся из рамок – религиозных, нравственных, культурных, этических и т.д.

Иерархия значений слова *грех* зафиксирована в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля [6, с. 402]:

- 1) «поступок, противный закону Божию, вина перед Господом»;
- 2) «вина или проступок; ошибка, погрешность»;
- 3) «беда, напасть, несчастье, бедствие»;
- 4) «распутство» (думаем, подразумевается «безнравственное поведение»);
- 5) «грешно, греховно» (когда используется в роли сказуемого).

В Словаре современного русского литературного языка в 17 т. представлены только три значения [7, к. 388–393]:

- 1) «проступок; порок, недостаток»;
- 2) «беда, несчастье» (с пометой *в просторечии*);

3) «нарушение религиозного предписания; проступок против правил религии и нравственности» (с пометой *устар.*).

Как видим, значение «нарушение религиозного предписания; проступок против правил религии и нравственности» в Словаре современного русского литературного языка в 17 т. объединяет первое и четвертое значения, выделенные Далем, считается устаревшим и поставлено на последнее место. Думается, это связано с идеологическими и политическими особенностями 40–50-х годов XX в. – времени составления и издания словаря. Функция сказуемого в словаре не освещается.

В дальнейшем значении слова *грех*, связанное с религиозным его содержанием, в словарях возвращается на первое место. Значение «беда, несчастье» не выделяется, вернее, вводится как нюанс в значение «предосудительный поступок, ошибка, недостаток». Кроме того, составители словарей снова включают значение «предосудительно, нехорошо, грешно» слова *грех* в роли сказуемого, причём отмечают и антонимичное значение «позволительно, можно, следует» в сочетании этого слова с частицей *не*. Например, в Словаре русского языка в 4-х т.:

ГРЕХ, –á, м. 1. У верующих: нарушение религиозно-нравственных предписаний. *Замолить грех. Впасть в грех.* □ *Я никогда не врал – у нас это считалось грехом.* Гладков, Вольница.